

Каждая страна, каждый город, имеют свои удивительные памятные места. Немало таких и в Париже, приютившем значительную часть русских беженцев во времена революции 1917 года. Одним из мест, в дальнейшем значимых для русских эмигрантов, стал тихий зелёный холм с несколькими деревянными домиками и церквушкой, который раньше числился во владении немецкого протестантского пастора Фридриха фон Бодельшвинга. С этого момента, в 1924 году, и начинается удивительная история Сергиевского подворья, где годом позже был образован Свято-Сергиевский богословский институт, в судьбе которого участвовала практически вся русская эмиграция.

В Париж в те времена ехали многие. Культурная столица, центр Европы, – он притягивал людей, как магнит. Православному собору Александра Невского, расположенному на улице Дарю, оказалось не по силам вместить всех прихожан, и перед митрополитом Евлогием (Георгиевским), управляющим русскими православными приходами в Западной Европе, встал острый вопрос о поиске подходящей земли для новой церкви. «На общем фоне русской жизни за границей открытие новой русской церкви в центре западной культуры не представляет собою исключительного явления, – писал в своих воспоминаниях епископ Кассиан (Сергей Безобразов), один из будущих ректоров и преподавателей Богословского института, – По всему лицу земли, во всех точках русского рассеяния зажглись лампы Православия – открылись беженские церкви, бедные, как сами беженцы, не имеющие часто самого необходимого: богослужебных книг, сосудов, облачения, но согреваемые пламенем веры, сильные молитвой и слезами, сияющие светом Православия. И тем не менее, создание Сергиевского подворья оказалось делом, объединившим всё русское беженство, вызвавшим сочувственные отклики даже в России»¹.

Бывшее немецкое подворье, расположенное в 19 округе Парижа на тихой rue de Crimée, нашел Михаил Михайлович Осоргин, так же,

¹ Кассиан (Безобразов), еп. «Русский православный богословский институт в Париже». Журнал «Путь». – №1. URL: http://www.odinblago.ru/path/1/9_1/

как многие, оказавшийся во Франции неисповедимыми путями революции. Человек религиозный, он происходил из древнего дворянского рода; среди его предков была Иулиания Лазаревская Осоргина, причисленная к лику святых. Отец Михаила Осоргина, занимавший в России губернаторские посты, умер в эмиграции в сане протоиерея. Мать, в девичестве княжна Елизавета Николаевна Трубецкая, была сестрой философов Сергея и Евгения, а также дипломата Григория Трубецких. С детства Михаил, родившийся в Калужской губернии, прислуживал в сельской церкви Покрова Божьей Матери, где получил первые основные богослужебные знания. По воспоминаниям очевидцев, имел хороший певческий голос, и до конца жизни пел в храме, не считаясь ни с простудами, ни с астмой.

С 1919 до 1924 года Михаил Осоргин вместе с женой, графиней Е.Н. Муравьёвой, жил в эвакуации – сначала в Константинополе, где родился его сын, затем в Баден-Бадене, где стал псаломщиком и регентом местной церкви. По поручению митрополита Евлогия он с большим трудом добился возвращения русским православного храма в Штутгарте, в котором организовал свой приход. Вот что пишет о нём, уже в 1951 году, священник А.С. Семёнов Тянь-Шанский, бывший студент Богословского института: «В 1924 году М. М. переехал в Париж, где по основании Сергиевского подворья поселился, занимая должности преподавателя церковного Устава, псаломщика, регента и управляющего домом. При его деятельном участии были основаны в Париже курсы псаломщиков, душою которых он был. Им издана книга «Уставщик» с кратким, но очень ценным изложением порядка церковных служб. Его усилиями была издана «Служба Всем Святым, в России просиявшим». Он поместил несколько статей по церковным вопросам в «Сергиевских листках» и в «Церковном вестнике». М. М. был не только глубоко православным, но и очень русским человеком, может быть, одним из последних представителей старой дворянской культуры и помещного дворянского быта»¹.

Поначалу Михаил Осоргин поселяется в Кламаре и, будучи вдохновлённым удачей с храмом в Штутгарте, предлагает митрополиту Евлогию свою помощь в поиске места для нового прихода в Париже. После долгих бесед, во время которых митрополит не скрывает своих переживаний по поводу затянувшихся безуспешных попыток найти такое место, Михаил Михайлович приступает к поискам. В своих заметках он пишет: «<...> С самого начала я держал в курсе своих начинаний, поисков и достижений лишь трёх лиц: дядю моего, князя Г.Н. Трубецкого, его тестя, графа К.А. Хрептович-Бутенева, и С.Д.

¹ Священник А.С. Семёнов Тянь-Шанский. Предисловие к «Воспоминаниям о приобретении Сергиевского Подворья». Михаил Осоргин. – Париж. – 1951 г. URL: https://archipelag.ru/ru_mir/rus-subject/puti/sv-sergievo/osorgin-vozpom/

Сазонова, бывшего министра иностранных дел. Все трое с полным сочувствием отнеслись к задуманному мною делу и оказывали мне содействие своими связями и знакомствами среди иностранцев. Я познакомился с некоторыми чиновниками. Один из них вдруг сказал мне, что может указать адрес скромной немецкой церкви в 19 arrondissement (округе – фр.), которая будет продаваться с торгов, и что назначена официальная цена в 150000 франков. Данный мне адрес был – 93 rue de Crimée. Представьте себе необитаемый в течение десяти лет большой участок земли, расположенный на холме и его подножье, с домами, большими деревьями и стихийно разросшейся по всему двору травой, отгороженный от городских улиц задними стенами соседних домов. Своего рода оазис, в котором трудно было вообразить, что находишься среди города»¹.

Найденное Михаилом Осоргиным владение, которое в скором времени должно было быть выставленным на торги, обрадовало митрополита Евлогия. Но узнав, какова стартовая цена, митрополит выразил большое сомнение, что средства удастся собрать. Однако, при всех волнениях и периодически наступающем отчаянии, Осоргин от намеченной цели не отступил. О мытарствах в попытках собрать сумму на покупку земли он пишет весьма подробно, не скрывая эмоций: «<...> И тут, к великому моему стыду, доведённый всем предыдущим до крайне нервного состояния, я не выдержал и вдруг неожиданно для самого себя так разрыдался, что долго не мог совладать с собой. Как ни странно, но именно это спасло положение, казавшееся безнадёжным. Бедный владыка (митрополит Евлогий – прим. Я.-М. К.) не на шутку испугался, схватил стакан воды, начал меня отпаивать, обнимая и приговаривая: «Голубчик, простите, забудьте всё, никого я больше слушать не буду, будем вместе с вами участвовать в торгах, только успокойтесь ради Бога». После этого проишествия вплоть до самых торгов владыка был твёрд и непоколебим»².

18 июля 1924 года, в день преподобного Сергия Радонежского, сумев оплатить только участие в торгах, право выкупить землю досталось Михаилу Осоргину. Радость этого успеха омрачала только одна деталь: сумма, которую требовалось возместить городу, была для русских эмигрантов ошеломительной, а до первого взноса оставался лишь месяц.

«Срок взноса приближался, я метался во все стороны, чтобы раздобыть 12000 франков, – так описывает Михаил Михайлович события того периода, – И всюду, точно сговорившись, мне отказывали, ибо настроение большинства продолжало быть крайне отрицательным.

¹ Михаил Осоргин. «Воспоминания о приобретении Сергиевского подворья». – 12 июля, 1949 г. URL: https://archipelag.ru/ru_mir/rus-subject/puti/sv-sergievo/osorgin-vospom/

² Там же.

Время шло, а денег всё не было. Да простит мне ныне покойный граф Хрептович-Бутенев, если, невзирая на его чрезвычайную природную скромность, я всё же поведаю о том, какую невероятно чудесную и буквально спасительную услугу он оказал тогда Сергиевскому Подворью. Он вместе со мной волновался о недостающих 12000 франков, не имея возможности мне их дать, будучи сам в трудном финансовом положении в этот момент. За шесть дней до срока, 12 августа, в день своего рождения, я пришёл утром в домовую церковь графа Хрептовича в Кламаре. В саду меня неожиданно поразил вид возбужденного старичка-графа, который нетерпеливо махал мне издали какой-то бумажкой, повторяя: «Поздравляю, поздравляю». Думая, что он поздравляет меня с рождением, я подхожу к нему и вдруг вижу, что он протягивает мне чек в 12000 франков. Что же я узнал?! Оказывается, выезжая из Австрии во Францию, граф оставил тамошнему своему доверенному в делах какую-то акцию, не котировавшуюся тогда на бирже, с поручением продавать её в случае, если бы она выгодно поднялась в цене. Вот этот поверенный и писал теперь графу, что акция сильно поднялась, и он ликвидировал её, боясь ждть дальше. Результат ликвидации – 12000 франков – он посылает графу. Граф отдал мне эти деньги на покрытие недостающей суммы для ввода во владение. И так, 18 августа владыка был введён во владение. Теперь нам оставалось собрать 321000 франков до 30 января»¹.

Новость о сборе средств на выкуп владения была подхвачена эмигрантскими изданиями и разлетелась повсеместно. Часть средств пожертвовал председатель всемирной Христианской Студенческой Федерации Джон Мотт, остальное было принесено руками беженцев.

Пожертвования поступали небольшими суммами. Михаил Осоргин пишет об этом в «Воспоминаниях» довольно подробно, с благодарностью рассказывая о людях, стучавшихся в ворота подворья днём и ночью, о носильщике, подошедшем к нему на вокзале St.Lazare в Париже и передавшем на Сергиевское подворье 25 франков «от себя и двух своих товарищей», о безымянном письме от «одинокого русского» с острова Явы, в которое, в качестве пожертвования, была вложена монета неизвестного происхождения, оказавшаяся довольно дорогой. Но несмотря на это, собрать достаточную сумму к сроку расплаты с французским правительством не получалось. Требовалось ещё 100000 франков, и в комитете по сбору пожертвований начали обсуждать вопрос о частном закладе недвижимости или займе под неё.

Дальнейшее Михаил Осоргин описывает, как чудо: «<...> мой знакомый Э.А. Крейслер выразил мне своё удивление, что мы до сих пор не догадались обратиться за помощью к русскому филантропу

¹ Михаил Осоргин. «Воспоминания о приобретении Сергиевского подворья». – 12 июля, 1949 г. URL: https://archipelag.ru/ru_mir/rus-subject/puti/sv-sergievo/osorgin-vospom/

Моисею Акимовичу Гинзбургу – бывшему крупному угольному подрядчику нашей Тихоокеанской Эскадры и большому другу всех русских моряков, которым он постоянно помогал. Я решил сейчас же к нему поехать. <...> В назначенный день и час мы с владыкой были у Гинзбурга. <...> Узнав, что мы просим 100000 франков займа. Гинзбург говорит (передаю дословно): «Владыка, конечно, я вам эти 100000 франков сейчас же дам, и рад был бы вам их просто пожертвовать, но боюсь, что вас за это потом заклеют, скажут, что жид (так он и сказал) купил церковь русскому митрополиту. Поэтому я предпочитаю дать вам эти 100000 франков займа, конечно, без всяких процентов и без каких-либо расписок, с тем, что если разбогатеете, вернёте мне долг, а нет, можете и не возвращать, в претензии не буду». Мы с владыкой не знали, какими словами благодарить М.А., и уехали от него с чеком на 100000 франков в английских фунтах. Наша финансовая комиссия сразу воспряла духом, а её председатель, князь Б.А. Васильчиков, выразил пожелание отнестись к этим деньгам, как к долгу чести, долженствующему быть отданным при первой же возможности и в первую голову. Благодаря помощи М.А., мы внесли свою задолженность французскому правительству в назначенный срок – 30 января 1925 года. <...> Благодаря всё продолжавшим поступать пожертвованиям, мы довольно скоро могли бы заплатить большую часть своего долга Гинзбургу. Собственно, та сумма во франках, которую мы реализовали при продаже полученных от него фунтов, имелась у нас в кассе уже полностью. Но за это время франк на бирже упал и наша наличность стала недостаточной для покрытия всего долга. Наш казначей Н.И. Шидловский и я отправились к Гинзбургу, чтобы внести ему всю наличность во франках в счёт нашего долга. М.А. похвалил нас за аккуратность, взял наши франки и совершенно для нас неожиданно заявил, что мы с ним в полном расчёте. На наше возражение, что вследствие падения франка мы остаемся ещё в некотором долгу, Гинзбург с хитрой улыбкой открыл ящик своего стола и показал нам бумагу, удостоверяющую, что в день выдачи нам фунтов он застраховал их от возможного падения»¹.

После выкупа подворья началось его кропотливое восстановление. Постепенно починили пришедшие в ветхость здания, отремонтировали храм. В храме были воздвигнуты престол и жертвенник, поставлен иконостас, подаренный великой княжной Марией Павловной. Уникальные настенные росписи выполнил художник Дмитрий Стеллецкий, один из самых видных живописцев Русского Зарубежья, чьей отличительной чертой творчества было стремление переосмыслить древнерусское искусство с позиции

¹ Михаил Осоргин. «Воспоминания о приобретении Сергиевского подворья». – 12 июля, 1949 г. URL: https://archipelag.ru/ru_mir/rus-subject/puti/sv-sergievo/osorgin-vospom/

человека своего времени. Именно тогда, несмотря на разруху и скудное финансирование, было принято решение открыть при Сергиевском подворье высшее учебное заведение, продолжающее традиции Петроградского богословского института, созданного в 1920-м, просуществовавшего в новой России всего три года и успевшего выпустить только один курс. Часть преподавателей Петроградского института (в том числе и о. Кассиан), эмигрировавшая во Францию после его закрытия большевиками, выразили готовность работать в новом учебном заведении. Кандидатов в студенты стали собирать со всей диаспоры, их набралось около сотни. Но из-за нехватки средств первые лекции читались лишь для 29-ти человек, в число которых входили люди разных возрастов, от 17-ти до 50-ти лет. Простой рабочий сидел за одной партой со священником, юноша со стариком, бывший военный сидел рядом с семинаристом – весь этот разношёрстный состав объединяло то, что большинство из них были членами христианских кружков, возникших в разных городах и странах русского рассеяния, а также, собственно, желание учиться и идти по духовной дороге.

Список профессорского состава так же был неоднороден. В него вошли как деятели старой духовной школы, религиозные философы, учёные-святители и миряне, находящиеся на чужбине, так и лица, окончившие светскую школу. Это были профессор Антон Карташёв, возглавивший кафедру церковной истории и в дальнейшем принимавший деятельное участие в делах подворья, протоиерей Сергей Булгаков (кафедра догматического богословия), протоиерей Георгий Флоровский, преподававший патрологию, дисциплину о жизни святых отцов церкви, о. Кассиан (Сергей Безобразов), продолживший преподавать Священное Писание Нового Завета, Василий Зеньковский (философия), Георгий Федотов, преподававший историю западных исповеданий и агиологию, науку, исследующую богословские и историко-церковные аспекты святости, и многие другие. В числе дисциплин были так же: пастырское и нравственное богословие, каноническое право, литургика, древние языки, французский, а также английский язык, который преподавала монахиня Евдокия (Мещерякова-Куртен).

Из-за столь разного уровня знаний и опыта соискателей, подавших заявки на обучение в богословском институте, был открыт подготовительный (пропедевтический) класс. «30 (17) апреля Пропедевтический Класс приступил к работе. Его работа продлится до 1 октября с. г. 1 октября администрация школы надеется создать условия, которые сделали бы возможным открытие 1 курса Института. В число студентов – стипендиатов I курса будут зачислены, в зависимости от числа вакансий, обнаружившие достаточные успехи слушатели Пропедевтического Класса и заслуживающие особого внимания

сторонние просители из числа окончивших полный курс Духовных семинарий» – пишет в те же годы Сергей Безобразов, – «...» Слушателями самого первого подготовительного класса стали 19 человек, из которых 16 были студентами, и трое – вольнослушателями. «Большинство студентов (10) – в возрасте от 20 до 25 лет, пятеро – старше (до 33 лет), один – моложе (18 лет). Законченное высшее образование имеет один, четверо продолжают состоять студентами других высших учебных заведений. Восемь человек получили среднее образование в военно-учебных заведениях, трое окончили гражданскую среднюю школу. Девять человек состоят членами христианских кружков молодежи. Вольнослушатели все получили высшее образование: один – общее, двое – специальное (инженер, офицер генерального штаба). Последние двое – старше 50 лет. Кроме указанных девятнадцати слушателей, в Пропедевтический класс приняты ещё четверо, приславшие прошения из-за границы (трое из Югославии, один из Константинополя)»¹.

Понять и почувствовать, насколько трудны были первые шаги в работе института, нам помогают и такие строки из материалов С. Безобразова: «В центре Европейской культуры на русской земле открыта русская православная богословская школа. Эта школа уже в настоящем виде скромного Пропедевтического Класса поднялась выше уровня среднего учебного заведения. И преподаватели, работники высшей школы, чувствуют себя призванными к величайшему творческому напряжению, и слушатели сознают себя студентами Высшего Учебного Заведения. Но это только первый шаг, пропедевтика к Богословскому Институту. Будет ли сделан второй? Верим, что будет. Всё дело Сергиевского Подворья чудесно»².

В 1935 году Сергиевский институт отпраздновал своё первое десятилетие. За этот период из его стен вышли 133 студента из Франции, Болгарии, Польши, Финляндии, Литвы, Югославии, Эстонии, Румынии, США, Чехословакии, Латвии, Германии. Многие из них были рукоположены в священный сан и основали свои приходы. Кто-то остался преподавать богословские науки. В 1939 году, когда весь мир готовился к войне, руководство института решило продолжить уроки для семнадцати студентов силами одиннадцати преподавателей. В годы войны и без того шаткое материальное положение института стало крайне бедственным, так как помимо общемирового кризиса институт потерял все финансовые пособия от разных международных организаций. Понёс он так же и большие человеческие потери: некоторые профессора и студенты были арестованы и высланы в

¹ Кассиан (Безобразов), еп. Русский православный богословский институт в Париже. Журнал «Путь». – №1. URL: http://www.odinblago.ru/path/1/9_1/

² Там же.

концлагеря в Германию, нескольким преподавателям пришлось эмигрировать. Умер профессор Сергей Булгаков. Послевоенные годы так же были крайне тяжелы. Экономика Франции пришла в полный упадок, промышленное производство сократилось до минимума, сельскохозяйственная продукция поставлялась в объеме, не покрывавшем нужды даже четвертой части населения, а цены выросли в шесть раз. Зарплаты преподавателей института были ниже, чем у низкоквалифицированного рабочего.

Наглядное представление о том, как институт выживал в этот период, дают письма А.В. Карташёва к Г.Е. Новицкому; оригиналы которых хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Выходом из бедственного положения стала организация так называемых товарных посылок, которые собирались в США обществом друзей института и включали в себя пищевые продукты, одежду и обувь. Эта помощь позволила существенно сократить расходы, так как в Америке товары стоили в несколько раз дешевле, чем во Франции.

Когда читаешь письма, написанные живым языком, перед глазами встают образы людей, отягощенных мирскими заботами о самом насущном, стремящихся выжить и сохранить то, что было создано тяжёлым трудом. Вот, например, выдержка из письма А.В. Карташёва весной 1946 года: «<...> вторая серия пищевых посылок дала нам спокойную Пасху. Евгений Исаевич тоже был у нас на Подворье за получением своей посылки. Слава Богу, минула зима, уже расцветают фруктовые деревья, набирает цвет сирень. Прекратили муку с дефективной топкой, оделись полегче и жить стало легче. Как разломала эта злая война всё благосостояние Европы! <...> Дух тоже нерадостен. Франция глубоко больна духовно, а отсюда и экономически, и политически. <...> Митрополит Евлогий держится. Даже мечтает служить пасхальную заутреню. Ради этого будут служить рано, часов в 10 (во время войны по неволе служили в 8 часов). Теперь поломали старый обычай. Многие приходы в Париже отказываются от ночной службы в виду отсутствия средств передвижения ночью, кроме пешего хождения»¹. А вот следующее письмо: «Дорогой Георгий Исакиевич! Сегодня у нас радостный день. Получили от вас пищевые посылки. Долго и давно их ждали. Это – вторая партия посылок после первой, полученной нами в августе 1945-го. В этой партии 66 посылок; 18 – отдельным адресатам вне Академии и 48 – для Академии; 9 коробок оказались вскрытыми, и из них вытащен сахар, мясные

¹ «После годов голода и лишений у нас чувство разговенья, сытости и благополучия». Письма А. В. Карташёва Г. И. Новицкому. 1946-1947 гг. Сост. А. В. Антощенко, И. В. Николаенко. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2016, №4 (12). С. 181-194.

консервы, из некоторых – кофе (это здесь теперь обычное явление). <...> Мы очень рады, что этот подарок пришёл к Пасхе! <...> И еще одно пожелание, может быть, трудное и невыполнимое? Для 10 священников и монахов нужно бы на каждого 4,5 метра (5 yards) чёрной материи на рясы шириной 1 метр 80 сантиметров (72) и столько же материи для подкладки. Разумеется на тех же основаниях кредита и уплаты здесь в пользу кассы Академии»¹. В другом письме: «Дорогой Георгий Исакиевич, давно не писал Вам. Вот, наконец, в конце мая мы получили и партию обуви. Будто бы она тонула и была подобрана из воды. Доставлена «в мешках», а не в?... не знаю, в чём. По сообщению Долгополова, должно было прийти 20 пар парусинных, 40 пар кожаных и 50 пар женских. Получили 20 пар парусинных, 24 пары кожаных. Ни одной женских»².

Писем немалое количество. Из них мы так же узнаём о том, насколько нерадостны настроения русской эмиграции, о внутренних межцерковных проблемах и расколах, о смерти митрополита Евлогия (после его кончины ректором института был назначен Сергей Безобразов), и сквозной темой повествования – о делах институтских: «В новом учебном году у нас сверх 10 своих новопоступающих ещё 8 сербов и 2 араба. Целых два десятка на 1 курс! Начинаем оживать после военного худосочия»³.

В послевоенные годы Свято-Сергиевский богословский институт стал общеправославным и международным учебным заведением, как по студенческому, так и по преподавательскому составу. И сегодня он продолжает играть ведущую роль, свидетельствуя о Православии в Европе и в мире, являясь одним из важных событий в истории Русского Зарубежья. Под его крышей собираются люди из разных стран, и, хотя обучение на сегодняшний день идёт на французском языке, в его программе есть специалитет (лицензиат), обучающий студентов на русском. Институт так же поддерживает культурные связи с русскими эмигрантами в Европе, включая и международный поэтический фестиваль «Эмигрантская лира», участники которого каждый год, по приезду в Париж, выступают на литературных вечерах в его аудиториях.

В 2019 году общее собрание Сергиевского подворья приняло решение о переходе из Константинопольского патриархата, под началом которого находилось все время своего существования, в Московский. Этот переход знаменует новую веху в истории этого

¹ «После годов голода и лишений у нас чувство разговенья, сытости и благополучия». Письма А. В. Карташёва Г. И. Новицкому. 1946-1947 гг. Сост. А. В. Антощенко, И. В. Николаенко. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2016, №4 (12). С. 181-194.

² Там же.

³ Там же.

удивительного места, со всех сторон окруженного шумной и стремительной жизнью современного Парижа, но, тем не менее, сохраняющего в себе дух великого прошлого.